

Во МХАТ стоит пойти, чтобы увидеть Гвоздицкого

«Маскарад». МХАТ им. Чехова. Постановщик Н.Шейко

«Маскарад», поставленный Николаем Шейко во МХАТе, разбранить труда не составляет — есть за что. Все хронические недуги сегодняшнего Художественного театра в этом спектакле себя вновь выказали. Какие бы задачи, какие бы правила игры ни придумывались, их обесмысливает разболтанная и предельно равнодушная актерская игра. Заставить мхатовских актеров увлечься работой или хотя бы взрывать к чужому успеху — этого режиссер сделать не сумел.

Его трактовку лермонтовской пьесы (чтобы определить ее жанр, нужно изобрести особый термин, что-нибудь вроде «трагимелодрамы») приходится рассудочно вычислять, разгадывая значения сценических эмблем, всматриваясь в предварительные контуры неряшливо исполненного замысла. Нужно осознать нарочитую грубость маскарадных увеселений — подчеркнутую, педалируемую — и соотнести ее с бездушной симметрией бала (по-видимому, грациозного). Нужно вдуматься в предложенное режиссером соотношение личности-маски-куклы, не смущаясь грубостью одутловатых полуголых манекенов, которые более всего напоминают Еву из «Божественной комедии» Сергея Образцова. Нужно понять, почему Николай Шейко сделал Нину, жену Арбенина (играет ее Полина Медведева), всего лишь очаровательной глупышкой и простодушной кокеткой. Тогда станет очевидным: мир «Маскарада» для режиссера — это мир обезличившийся, вырождающийся, но не желающий замечать собственного бессилия. Собственно, сил только на это и хватает — упорно не замечать примет распада.

«Вот как кончится мир: не взрывом, но всхлипом». Знаменитая концовка «Бесплодной земли» Т.С.Элиота могла бы послужить эпиграфом к спектаклю — если бы умный и содержательный замысел воплотился. Увы, его удалось лишь обозначить — на большее воли не хватило.

Тем не менее, «Маскарад» во МХАТе — спектакль, которым театралы не вправе манкировать. В нем есть Арбенин — Виктор Гвоздицкий.

Гвоздицкий — актер гибкий и острый, блистательно одаренный чувством формы. Если искать параллели в изобразительном искусстве, индивидуальную технику Гвоздицкого можно сопоставить с живописью маньеристов — изощренной, предельно детализированной, обольстительной и вызывающей у зрителя странное душевное смятение. Это искусство утонченного самовыражения, сразу разуверившееся в существовании общих истин и вечных ценностей. Его стихия — сомнительное: может быть, в окружающем маньериста хаосе есть свой смысл, но он, безусловно, непознаваем.

Роль Арбенина призвала актера к самоопределению, к выстраиванию четкой ценностной перспективы. Не утратив тонкости, Гвоздицкий овладел крупным, чеканным жестом. Он играет трагедию нереализованного; невостребованного величия, избыточной индивидуальности. Его Арбенин — трагический герой, обреченный жить в обстоятельствах низкого жанра. Ему не удаются ни любовь, ни месть, ни смерть —

только игра, которую он, в сущности, презирает. Эта роль принципиально важна и принципиально нова для превосходного актера. Новизна задач подразумевает некоторую неровность исполнения, но непобиваемый козырь у Гвоздицкого есть всегда. Он замечательно владеет лермонтовским стихом, сложнейшей музыкой неравностопаго ямба. И, понимая, что «Маскарад» как зрелище прельстит немногих, я настойчиво призываю: вслушайтесь в эту музыку.